Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
XII Брянская корпоративная региональная олимпиада учащейся молодежи
ЛИТЕРАТУРА
Заочный тур
2020 г.
9 класс
Задания

1. ***Комплексный анализ текста***

Выполните целостный анализ произведения «Алимушкины полушубки» Н.И. Родичева, ориентируясь на следующие вопросы: 1. Что вам известно об этом писателе? Как он связан с Брянщиной?2. Какова тема этого произведения и его идея? 3. Как характеризуется главный герой? Можно ли назвать жизнь Алимушки подвижнической? 4. Какова роль деталей в характеристике главного героя? 5. Что сближает это произведение со сказом? 6. Какие художественные приемы использует писатель и какую роль они играют в создании образов?

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Обратите внимание: *Работы, копирующие Интернет, оцениваются 0 баллов!*

Николай Родичев

АЛИМУШКИНЫ ПОЛУШУБКИ

Случалось это в предзимье. Застуденит с тонким присвистом сиверко, прикоржавят осклизлые просёлочные тропы, задёрнет морозец бархатным ледком копытные следы, а иногда и первым снежком тряхнет сверху – в эту пору появлялся в нашей деревне гость.

Был он уже немолод, сутуловат, ходил вприпрыжку, с подволоком левой ноги, перебитой на японской войне. От прочих пожилых людей в округе отличался тем, что сам себе укорачивал бороду и носил, подобно священнику, очки.

Все его звали Алимушкой и не помнили отчества. Никто не знал, сколько ему лет, откуда родом, где пропадает от холодов. Хорошо известно было то, что Алимушка немало годков оттрубил в царской армии. В японскую под Мукденом был тяжело ранен и получил Георгиевский крест. После излечения в госпитале уже не мог возвратиться в строй и остался в своем полку портным.

Старик любил, когда его называли солдатом или просто служивым.

По деревням жданный гость хаживал без провожатых, от случайного попутчика освобождался хитростью – притворится усталым или свернет в ярыжек по нужде.

Особая радость звучала в голосе отставного воина, когда он, опершись на клюку и сбросив под ноги холщовую котомку с инструментами, певуче возвещал от крайней избы о своем прибытии:

– Полушубки!.. Эй, кому шить полушубки!..

Занятые нескончаемыми докучливыми заботами, сельчане за летнюю страду успевали забыть про швеца. Но, будто по команде, хлопали калитки, со скрипом распахивались двери. Одетые наспех, а то и босиком, чтобы не отстать от сверстников, мальчишки высыпали на дорогу, и крикливый их табунок окружал пришельца.

– К нам, дядя Алимушка! Нет, к нам... к нам!

Швец неторопливо развязывал котомку и одаривал детей тульскими жамками, которые, как и все его вещи, пахли овчиной. Потом он в окружении ребятни обходил изогнувшуюся по взгорью кривую улицу, останавливаясь у каждой избы. Кому степенным поклоном, а кому острой прибауткой отвечал на приветствия. Успевшие принарядиться мужчины – в новых рубахах, женщины – в цветастых полушалках на разные лады шумели у распахнутых дверей:

– Не обойди мово двора, куманёк!

– Заждались тебя, Алимушка!..

Самая расторопная из женщин выносила швецу новый березовый веник. Путник, крякнув от удовольствия, с превеликим тщанием обметал свои лапотки:

– Отлетай, пыль-дорога, у этого порога, а тебе, молодушка, что ни гость, то подмога...

Старый солдат переступал порог и с этой минуты считал свой марш оконченным. У догадливой хозяйки он мог выпить чарку и отобедать, но это не означало, что изба для продолжительного постоя найдена.

Привечать Алимушку считалось большой честью в любом доме. Ради него резали поросенка или барана, гостю стелили лучшую постель. Домочадцы наряжались по этому случаю в праздничные одежды, а хозяйка развешивала по стенам вышивку. Гость не брезговал принять в дар пару чистого белья, не возражал, если топили для него баньку.

За право приютить у себя хожалого человека шли споры. Но Алимушка предпочитал выбирать место для работы сам. Чаще всего это был дом моего деда Данилы – человека чудаковатого и беспечного, любившего прихвастнуть, крепко знавшего свое плотницкое ремесло. На том и честь рода у него держалась.

Сразу после молотьбы Данила выдалбливал в земляном полу три глубокие ямы, закреплял в них рядок берёзовых кругляков. Затем настилал на этих кругляках подобие нар или помоста. Для работы Алимушке хватило бы и обыкновенного стола, но дед знал: от любопытных не будет отбоя. Поглядеть на швеца, послушать бывальщину о житье в других селениях, его рассказы о войне сходились и стар и млад. Поэтому настил из свежих, гладко выструганных досок тянулся через всю избу – от иконного угла до порога. Не было случая, чтобы Данила употребил для этого сооружения прошлогодние доски или не обстругал их добела. Нередко гость, чтобы не стеснять хозяина дополнительными заботами о ночлеге, использовал этот помост как исполинскую постель, застлав его овчинами.

Швец приступал к делу не торопясь. Он выпивал рюмочку, сытно обедал, любил даже полежать после еды. Не обращая внимания на публику, которая к вечеру постепенно заполняла богатырское застолье, Алимушка размашисто крестил лоб, со строгим выражением лица сотворял шутливую молитву:

Поклон тебе, Боже,
За добрые кожи,
Божьему сыну –
За мягкую овчину,
Хозяину – за привет,
Хозяюшке – за обед.

Минуту–две он потом прохаживался по избе, не отвечая на добродушные реплики местных остряков. Когда подходил к столу, лицо становилось одухотворённым, серые выцветшие глаза вспыхивали задорным блеском, как у артиста, готовящегося к выполнению коронного номера.

Наконец наступала долгожданная минута. Алимушка засучивал выше локтя рукава, повязывал через лоб тесемкой волосы, чтобы не спадали на глаза, и небрежно швырял на стол овчину. Резкими, точными, размашистыми движениями он рассекал ее на несколько кусков по известным только ему, мысленно уже начертанным линиям. И пускал в ход иглу.

Обычно неторопливый, Алимушка за рабочим столом становился совсем другим. Толстая, сверкающая в неярком свете керосиновой лампы игла описывала в воздухе замысловатые круги, исчезала в густых складках кожи, появлялась вновь. Руки швеца танцевали, кипели над шитвом. Овчина ворошилась, как живая, дышала под этими руками.

На глазах у изумлённых, притихших людей разбросанные по столу куски и лоскутья сращивались, соединялись навсегда и в таком порядке, что овчина становилась красивой, ладно сшитой, ласкающей глаз обновкой. Не дай Бог, если кто-нибудь в это время кинется помогать Алимушке и в чём-то нарушит строгий порядок на столе. Разве хозяйка догадается чистым рушником отереть повлажневший лоб мастера, да такой заботе своя пора.

Откусив нитку зубами, простукав деревянным молотком швы, Алимушка вскидывал свое детище на руке и щедрым взмахом кидал полушубок по длинному столу. Десятки рук устремлялись навстречу обновке, каждый норовил подержать ее в своих руках, прежде чем она попадёт в заждавшиеся этой минуты руки заказчика.

Брат моего отца, рослый парень Моисей, не очень сдержанный на слова, как-то сказал, обращаясь к соседу:

– Подумаешь, полушубок! Вот надену – и разойдётся по швам.

Эти слова услыхал Алимушка. Закончив работу, он подошёл к Моисею:

– На, разорви, щенок!

Моисей, покраснев от обиды, стал напяливать только что снятую с иголки одежду. Дед Данила пытался урезонить Алимушку:

– Брось, служивый, с дураком тягаться!

– Рви, если сможешь! – упорствовал швец. – Я плачу за овчину!

Моисей с глуповатой улыбкой застегнул на все клёпушки нарядную обновку и шумно потянул в себя воздух, расправил плечи. Однажды он согнул на своей груди стальной ломик, но тут, как ни приседал, перекашивая плечи, добиться своего не мог.

– Рвите вдвоем! – подзадоривал Алимушка.

Моисей сбросил полушубок, взялся за рукав. Его ровесник Демьян Сороковой ухватился за полу. Парни забегали по избе, как бы отнимая полушубок друг у друга, изо всех сил тянули каждый к себе, дёргали рывками. Наконец Моисей полетел в угол, к лохани, зажимая в руке кусок полушубка. Все ахнули: рукав лопнул по целику!

Торжествующий Алимушка тут же притачал новый рукав и, подбросив свое изделие к потолку, крикнул:

– А ну, кто поймает?

Дождался своей очереди заказчик Савелий Князьков. Он поднёс к столу и расстелил перед мастером большую овчину, которую всё время держал под мышкой, скатав её в трубку. Швец поправил тесёмку на лбу и взялся было за ножницы. Но вдруг отложил инструмент в сторону:

– Надсмехаться над своим однополчанином вздумал, Савелий? Овчина-то твоя ползёт, как тесто. А одежда готовится не на один год. Не только для сугреву – ради красоты человеку я служу! Не удержит твоя овчина моих ниток – как струны они у меня!

Пристыжённый Савелий тут же удалился, позабыв овчину, сброшенную на пол разгневанным мастером.

– Гляди-кось, бабка Алёна, швец из твоей овчины чёрта стачал! – выкрикнул какой-то озорник, чтобы разрядить неловкую обстановку. Из-под вороха порезанной кожи высовывались застёжки, похожие на заячьи ушки.

– Цыцте, окаянные! – шумела с печки бабушка. – В урочный час нечистого не гневите... Алимушка – святой человек, безродный кругом... Всейный он наш, Богом для угождения людям послан...

Швец относился к такому заступничеству безучастно.

– Бога не видывал, про чёрта только слыхивал, а вот домовой мне сродни доводится...

– Ой ли?! – испуганно воскликнула, услыхав такое, Настя Бородина, сидевшая поблизости от Алимушки.

– А то как же думаешь: вышел за деревню – и к облакам короткими перебежками? Я в овчинах по теплой поре возле трубы отлёживаюсь. Домовой – первый собеседник на чердаке.

Швец, округлив глаза, испытующе уставился на Настю поверх очков.

– Хочешь, крестница, я прилюдно все твои секреты объявлю: сколько ты перемен белья своему суженому приспела, какой узор на свадебной сорочке выбила?..

– А вот скажи! – осмелела девушка.

– Так вот: четыре рубашки, да портов столько же, да онуч тринадцать аршин, да сукна на зипун...

Настя ликующе возразила:

– Ой, обмишулился, папаня крёстный! Не в лад сказал!

– Одну-то ты успела подарить тайком от матери и подружек, – не сдавался Алимушка. – Хочешь, скажу, как жениха звать?

Девушка, будто поперхнувшись, смолкла. Застолье взорвалось смехом.

– Крой подчистую, Алимушка! До конца говори... И про Евменью рассказывай, и про Катьку.

Рыжая дебёлая Катька, прозванная в деревне Воеводой, взмолилась, едва пришел ее черед включиться в беседу:

–Дядечка, милый, обо мне ни слова. Я верю, что ты домовой...

Раззадоренные мужчины кричали:

– И ведьмов наших небось знаешь наперечёт?

– С ведьмами у меня полный ажур и согласие, – важно ответствовал швец.

На этот раз вступила в разговор бабка Алёна, недовольная отношением самого Алимушки к ее заступничеству:

– Не беда бы в нашей деревне – так он в Сусловке, угодничек Божий, ведьмаху завел: к солдатке Домахе пристроился, посумерничать к ней заглядывает.

Эта разоблачительная фраза, произнесённая хворой бабкой, уже давно не слезавшей с печки, подняла на ноги всех в избе. У швеца даже очки свалились с носа от неистового хохота за длинным столом. Он с хрустом перекусил зубами суровую нитку и часто заморгал подслеповатыми глазами. Всем стал заметен испуг, хотя солдатская находчивость тут же пришла ему на помощь.

– Напраслину гнёшь, кума, – поправляя очки, заметил он. – Домаха – баба честная, рукодельем её любуюсь.

– Знаю я Домахино рукоделье! – подливала масла в огонь внезапно оздоровевшая бабка.

Мужики мудрствовали:

– Вот тебе и домовой... А Домахин-то Митька, середулыний, за Настей ухлёстывает...

Дед Данила, насупившись, протиснулся к осаждённому дружку, однако не затем, чтобы выручить его.

– Ежели на большой привал потянуло, пехота, то у нас и своих солдаток избыточно... Хату тебе всем миром отгрохаем! Петухов я ольховых срукодельничаю поузористей, чем Домаха на холсте.

Алимушка почтительно поклонился деду, сложив руки на груди:

– Каюсь, дорогие! Сдаюсь после жаркого боя... Открыться перед вами желаю...

Когда люди поуспокоились, продолжил:

– Была такая думка у меня... Позиция у соседей ваших приглянулась, окопаться вздумал там.

Дед Данила еще больше помрачнел:

– Это чего же у соседей?

– В коммунию сусловцы всем обчеством собираются, одной семьёй жить хотят.

– А овчины в кучу посбрасывают? – выкрикнули от порога.

– Все как есть! – весело блеснул очками швец.

За столом протяжно присвистнули. Дед Данила поскрёб в затылке:

– Не пойму, служба, куда ты свою строчку в разговоре повёл. Всем миром ладно получается хороводы водить на лугу, а полюшко, не в обиду тебе будь сказано, не овечья шкурка... За хлеб животы люди кладут, самому царю холку намылили.

Швец пожал плечами. Он, видимо, и сам не вполне представлял себе коммунию. Обдумывая свой ответ, он повертел перед лицом готовое изделие и сказал искренне, душевно:

– Ремесло своё хочу обчеству доверить, молодых шить научу, а там и в отставку без печали и воздыхания...

Часто разговор уходил за полночь и прерывался лишь пением петухов или завершением начатого шитва.

Помнится, Алимушка никогда не начинал работу утром. После жаркого шитья, которое подчас продолжалось до полуночи, швец отсыпался, разбросав свои красные, вздрагивающие во сне руки. Женщины подоят коров, истопят печь, соберут на стол, а он все спит. Завтракали молча, переговариваясь шёпотом, чтобы не потревожить покой своенравного старика.

Однажды, улучив момент, когда взрослые разошлись по своим делам, я залез к швецу на помост. Захотелось поглядеть на его руки – большие, с тонкими вытянутыми пальцами, пахнущие совсем иначе, чем у всех.

Это было неожиданно и показалось мне страшным. Руки старого Алимушки, те самые руки, весёлой игрой которых мы любовались, были в синих крапинках уколов, будто посеченные дробью. Вдоль большого пальца тянулся свежий, еще не заживший шрам.

Дед Данила спозаранку уходил в свою камору, где стоял самодельный, как всё в доме, токарный станок с ножным приводом. Там он мастерил прялки, вытачивал катушки для основы, строгал ножки к столам, делал игрушки маленьким. В избу через сени проникали еле уловимый шумок привода и шелест отлетающей стружки. Но и этого негромкого шума порой было достаточно, чтобы старый солдат с его по-особенному настроенным слухом просыпался. Плеснув себе в лицо холодной воды, он спешно утирался и семенил в каморку. Там он мог часами с детским очарованием во взоре наблюдать, как обыкновенное берёзовое полено превращается в узорчатую ножку для прялки, миску или матрёшку.

Данила улавливал за спиной восторженный шепоток швеца. Замедлив вращение диска, он снимал с зажимов ещё горячую, остро пахнущую берёзой деталь, кидал ее на руки другу. Если вещица особенно приходилась по вкусу швецу, дед уговаривал взять дар, заворачивал деревянную миску или матрёшку в кусок овчины, чтоб показать в другой деревне. Он хорошо знал в округе всех рукодельных вязальщиц, удалых медвежатников, пчеловодов, шорников, гордился дружеской близостью к ним, считал своею роднёй.

Был случай, когда Алимушка встал поутру раньше всех нас. Это произошло в начале марта. К тому времени захожий мастеровой обшил всю деревню и поговаривал о скорой разлуке. Чудаковатый старец мог запросто втихую исчезнуть, не взяв ни с кого платы за свой труд. Поэтому мужики уговаривали деда присматривать за Алимушкой в последние дни построже. Они собирались купить швецу в складчину лошадку, чтобы тому легче было передвигаться от села к селу в его подвижнической жизни.

Поднявшийся спозаранку отец обнаружил лежанку швеца пустой. Не было у изголовья и френча с Георгием. Отец всполошился. Мы кинулись на розыски. Но тревога оказалась напрасной: Алимушка сидел на крыльце, накинув внапашку свою ветхую одёжину.

– Чего всколготились! – набросился он на отца. – Послушайте-ка: весну везут... Отлетает моя пора... Машинами станут шить одежду артельные, как в городах.

По деревне вперемешку с петушиным криком разносился дробный перезвон кузнеца: «Длень-день, де-де-день!.. Длень-день, де-де-день!..»

Все это сливалось в музыку начинающегося дня. Тонкий перезвон металла напоминал колокольчик извозчика, который будто в самом деле откуда-то вёз в нашу деревню весну.

– Эк выкомаривает, а?! – шумел старый швец. Он поплотнее натянул на плечи армяк и будто прикипел ногами к промёрзшим половицам крыльца. – Красив, должно быть, кузнец ваш, если он на наковальне, будто на гармошке, наигрывает!..

Деревенский коваль Аноха Дерюгин был крив на один глаз, страдал от запоя. Хоть и считался он отменным работником, никому в голову не приходило назвать этого страховидого человека красивым.

Лишь однажды я видел Алимушку разъярённым, как-то даже потерявшимся от жаркого переживания за свою профессию. Приглядевшись к молодке, присланной за ним из соседнего села, Алимушка попросил её показать свою шубейку. Чем-то не понравилась швецу обновка: неровные сборки по талии, уродующая статную фигуру молодой женщины одутловатость на спине.

Чем больше Алимушка разглядывал это изделие, тем сильнее закипала его несогласная со злом натура:

– Швы-то какие, а? Строчку повёл аж отседова, стервец! А нитки! Неужто ссучить как следовает поленился?!

Поднял глаза на сокрушённую владелицу шубейки, спросил строго:

– Чья работа, сказывай?

– Да нашенский человек готовил, Сутокин. Вдвоём они шьют с сыном Ермолкой.

– Ермолка у меня в учениках был зиму, бездарь! – отрезал Алимушка. – Выгнал я его!.. Так и сказал: «Кру-у-гом! Марш отседова!»

Алимушка без особого напряжения растянул шубейку, и она расползлась сверху донизу. Это вконец разъярило швеца. Он затрясся весь, ударяя себя в грудь.

– Иуды! – вскричал Алимушка. – Опозорили! Осрамили рукомесло наше! На всю родную землю худую весть о швецах пустили!

Работа в этот день как-то не давалась ему в руки. Он часто вскакивал из-за стола, шептал ругательства. Под конец испортил овчину, чего с ним прежде не случалось. К вечеру не выдержал, собрав пожитки, ушел с этой молодайкой, выпросив для неё зипунчик у моей матери.

Ходили слухи, что он все же «смерил» вдоль спины незадачливого Сутокина своим берёзовым аршином, которым брал мерку с заказчика.

...Умер старый швец в мае, простудившись в дороге под весенним ливнем. Стояла теплынь, когда хоронили его, но кладбищенский холм ярче луговых венков пестрел полушубками.

Дядя Моисей, несший вместе с другими гроб от самого дома, у могилы снял свой полушубок и укрыл им Алимушку.

Как-то пришлось побывать в родных местах. Дебёлый крест, сработанный из сердцевины дуба моим дедом, за тридцать лет потемнел, покосился, взялся зелёным мхом. Поправляя крестовину, я разглядел на ней всё ещё заметные, выжженные в кузнице раскалённым гвоздём прощальные слова...

В другой раз неожиданная встреча с Алимушкой выпала на ярмарке. Сквозь несмолкаемый говор вдруг прозвучал хрипловатый басок:

– Эй, навались, у кого деньги завелись! Полушубки! Алимушкины полушубки!

В кузове грузовика, заваленного тряпьём, стоял мужчина – не Ермолка ли? – держа на руках одежду из яркой дубленой кожи. Несколько пожилых мужчин отделились от толпы и обступили машину. Шуба оказалась в жилистых руках седоволосого мужчины, одетого как встарь – в длиннополую кожушину и треух. Он долго крутил в руках

привычную для него одёжу, подслеповато приглядываясь к рубцам, мял кожу между пальцами. Потом молча возвратил продавцу. Уже отойдя в сторону, сказал:

– Шьёшь, так шей как можешь! А чужого имени не замай попусту! Алимушка небось космонавтам одежду мастерил бы, доживи он до наших ден...

И старик поправил на плечах уже выцветший, кое-где залатанный, но крепко, обкладно сидящий на нем полушубок...

2.Знание текста художественных произведений

Выполните тесты по произведению И.С. Тургенева «Ася». Учтите, что на некоторые вопросы будут правильными несколько ответов.

1. Жанр произведения
   А) рассказ
   Б) очерк
   В) повесть
   Г) новелла

2. Причина несостоявшейся любви Аси и господина N

   А) душевная слабость, малодушие героя
   Б) характер героини
   В) отсутствие средств на совместную жизнь
   Г) несогласие Гагина

3. Развязка в произведении

   А) отъезд Гагиных
   Б) свидание у фрау Луизы
   В) последний разговор с Гагиным
   Г) письмо Аси

4. Особое очарование Аси в ее

   А) характере
   Б) внешности
   В) поведении
   Г) романтической таинственности

5. В судьбе рассказчика, обреченного на одиночество, виноват

   А) господин N
   Б) Ася
   В) Гагин
   Г) отец Аси

6. Произведение раскрывает тему

   А) социального неравенства
   Б) любви
   В) взаимоотношений отцов и детей
   Г) природы

7. Основное представление о героине создают

   А) рассказ о ней Гагина
   Б) ее поступки, поведение в различных ситуациях
   В) мысли о ней господина N
   Г) рассказ фрау Луизы

8. Число рассказчиков в произведении

А) один
Б) два
В) три
Г) нет

9. Лирическая грусть главного героя произведения проникнута

А) мечтой о будущем
Б) горьким самоосуждением
В) чувством удовлетворения, что Ася уехала
Г) невозможностью найти любимую

10. В этом произведении авторская позиция

А) выражена в авторском повествовании
Б) передана одним из персонажей
В) скрыта
Г) передана через общий настрой произведения

3.Теоретико-литературный компонент

Составьте кроссворд из теоретико-литературных понятий так, чтобы по вертикали читалось слово ***оксюморон***, напишите, что означает этот термин.
Каждому понятию дайте определение, а в кроссворд впишите необходимые слова.

4. Творческое задание

Напишите небольшое сочинение (150-200 слов) от имени одного из литературных героев на тему: «Моя родина».